

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 165—170.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 4. P. 165—170.*

Научная статья
УДК 101.1:316
EDN <https://elibrary.ru/dehqva>
DOI: 10.46726/H.2025.4.18

ПРИНЦИП СЛОЖНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ЭДГАРА МОРЕНА

Слави Тодоров Кабаков

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия,
kabakov.st@dvfu.ru

Аннотация. В статье предложена сущностная реконструкция представления о «сложном (сложностном), комплексном мышлении» французского социального философа Эдгара Морена. Рассмотрен феномен патологии мышления, зафиксирована его связь с «эпистемологической рациональностью». Выявлена базовая характеристика сложностного мышления — синтетичность, которая предполагает соединение естествознания, социологии, психологии, философии по проблемному принципу. Предложена авторская трактовка семи принципов сложного мышления Э. Морена. Показано, что для философа в контексте исследования общества «первична» именно культурная подсистема (а не социальная подсистема): социум, прежде всего, характеризуется системой ценностей. Сделан вывод о холистическом (и диалектическом) пафосе концепции сложностного мышления Э. Морена, сочетающей в себе позиции голографизма, кибернетизма, диалогизма, инвайроментализма, конструктивизма.

Ключевые слова: сложностное мышление, комплексность, диалогика, диалектика, критическое мышление, рекурсивная петля, обратная связь, авто-эко-организация, новый гуманизм

Для цитирования: Кабаков С.Т. Принцип сложности в социальной философии Эдгара Морена // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4. С. 165—170.

Нам нужен тип мышления, который воссоединяет то, что разъединено и разобщено, который уважает разнообразие, поскольку он признает единство, и который пытается различать взаимозависимости. Мы нуждаемся в радикальном мышлении (которое добивается до корня проблем), в многомерном мышлении и в организационном или системном мышлении

Эдгар Морен

Среди многих наименований, которые предлагаются для современного общества, одно из самых употребляемых — это общество знания. Это название фиксирует принципиальное повышение сложности в социальных процессах и системах. Хаотичность и хрупкость мира связаны с непониманием сути этой сложности и, как следствие, с невозможностью управлять этой сложностью¹. В статье предпринимается попытка авторского прочтения концепции «сложного / сложностного / комплексного мышления» французского социолога и философа Эдгара Морена².

© Кабаков С.Т., 2025

¹ Феномен сложного / сложностного мышления уже обратил на себя внимание исследователей-философов [Аршинов, Свирский; Свирский].

² Концепция сложности Э. Морена в комплексном ключе рассмотрена в рамках ноосферного дискурса Д.Г. Смирновым [Смирнов 2014].

Он исходит из «идеальности» современного знания. Один из главных его недостатков состоит в том, что наука всегда сосредоточена на решении отдельной проблемы, рассматривая ее так, как будто она возникает в идеальном мире без связи с «окружающими» проблемами³. Э. Морен полагает, что каждую проблему надо рассматривать как по вертикали (погружаясь в ее глубину), так и по горизонтали (в сочетании с другими проблемами) в контексте представления о саморегуляции. Он постулирует необходимость перехода от радикального типа мышления к мышлению, которое добирается до корня проблемы. Огромное значение имеет и глубина собственно знания и мышления⁴. Еще один камень преткновения — этический — состоит в том, что человек не научен быть ответственным за свое мышление [Morin 1990].

Сверхзадача Э. Морена состоит в том, чтобы усилить осознание современной патологии мышления [Morin 1994]. Древняя патология дала независимую жизнь мифам и богам, а современная — свехупрошенная — сделала человека слепым к сложности реальности. Патология идеи, патология теории, патология разума — это рационализация, замыкающая реальность в системе идей, которые являются согласованными, частными и односторонними, не учитывающими, что фрагмент реальности может быть нерационализируемым, и что миссия рациональности заключается как раз в диалоге с тем, что нерационализируемо.

Философ пишет: «Мы все еще слепы в проблеме сложности...» [Morin 2008: 66]. Эта слепота есть «часть» человеческого варварства. Homo sapiens все еще находится в предыстории человеческого разума. Только сложностное, содержательно трансдисциплинарное⁵, комплексное мышление способно «цивилизовать наше знание». В этом смысле сложностное мышление — это вызов, который нужно осмыслить и осознать.

Комплексное мышление позволяет рассматривать материальный мир и духовный мир человечества, равно как механизмы и алгоритмы осмысления / постижения природы и культуры. Это мышление ориентировано не столько на логические структуры, сколько на когнитивные паттерны (нейробиологическую организованность мозга человека). Базовая характеристика сложностного мышления — синтетичность, которая предполагает соединение естествознания, социологии, психологии, философии — в целом социо-гуманитарного знания по проблемному принципу. Подобное мышление снимает противоречие между разумом и интуицией: они оказываются полярностями, которые дополняют друг друга. Эвристический потенциал сложностного мышления оказывается востребован в решении значимых проблем актуального технологического уклада.

³ Сложностность предполагает системный подход, при котором любая система (объект) рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов, имеющая выход (цель), вход (ресурсы), связь с внешней средой, обратную связь. Методологическая специфика системного анализа Морена определяется тем, что он ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и механизмов, обеспечивающих эту целостность, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину.

⁴ Э. Морен сознательно занимает междисциплинарную позицию, сочетая социологию с теорией систем, антропологией и политологией. Для него человек — носитель рациональности, научности, но в то же время человек — иррациональный, носитель сомнения, веры, мистицизма и религии.

⁵ Примечательно, что в своем журнале «Аргументы» (“Argumentes”) он структурировал статьи именно по проблемам, а не по дисциплинам.

«Метод Морена» [Морен] стремится охватить феномен (наблюдение), распознать силы внутри него (праксис), спровоцировать его в стратегических точках (вмешательство), проникнуть в него посредством индивидуального контакта (интервью), поставить под сомнение действие, речь и вещи. Это предполагает не просто субъект-объектные отношения. Оптимальные отношения требуют, с одной стороны, оторванности и объективности в связи с объектом как объектом, а с другой стороны, участия и симпатии в связи с объектом как субъектом. Поскольку эти объект и субъект суть одно, наш подход должен быть двойственным [Morin 2008: 259]. Комплексность нацелена на особый способ мышления и другой способ организации знаний. Она предполагает вызов дисциплинарной организации знаний и редуктивно-дизъюнктивному способу мышления, лежащему в основании «парадигмы простоты»⁶.

Вслед за Е.Н. Княzewой [Князева], рассмотрим «методологическое измерение» сложностного мышления, остановившись на семи взаимосвязанных друг с другом принципов.

Системный (во много паскалевский) принцип «показывает» как соотносятся часть и целое в системе. Наиболее адекватная метафора здесь — лента Мебиуса, когда происходит не совсем челночный бег «от частей к целому и от целого к частям» [Там же: 105]. На самом деле, это сочетание системного (от целого к частям) и несистемного (от частей к целому) подходов. Все же думается, что целостность фундируется именно движением от системообразующего свойства к структуре и элементам. Именно так порядок «создает» беспорядок (как часть организационного порядка). Именно концепт рождает новые качества — эмерджентности, не присущие отдельным элементам системы.

Голографический принцип рядоположен, на наш взгляд, принципу подобия в древнеегипетском герметизме. Онтологический тезис «что сверху, то и внизу» разворачивается у Э. Морена в положение, согласно которому «во всяком сложном явлении не только часть входит в целое, но и целое встроено в каждую отдельную часть» [Там же: 106]. В социально-антропологической плоскости это напоминает и принцип актуализации Э. Геккеля — «онтогенез повторяет филогенез», когда «общество в его целостности встроено в каждого индивида» [Там же] через ценности и нормы — через культуру в целом.

Принцип обратной связи нацелен на уход от парадигмы линейной причинности (имплицативности). Возникает своеобразный эффект «кибернетической эквивалентности», когда «причина воздействует на следствие, а следствие — на причину». Эта обратная связь двояка: отрицательная обратная связь отвечает за устойчивость системы, положительная обратная связь отвечает за динамику системы. (В результате в социально-политическом пространстве формируется дискурс устойчивого развития как сосуществования отрицательной и положительной обратных связей.)

Принцип рекурсивной петли схож по смыслу с дискурсами самореферентности и аутопоэзиса, которые также предполагают самовоспроизводство системы. Фактически запускается цепная реакция духовного (культурного, ну и конечно, социального) производства, когда продукт подобного производства оказывается одновременно и «причиной» этого производства. Индивиды порождают общество на уровне структуры, которое, в свою очередь, наделяет собой (языком и семиотическими программами) этих самых индивидов.

⁶ Интересно сопоставить этих размышления Э. Морена с позицией «расставания с простотой» академика Н.Н. Моисеева [Моисеев].

Принцип авто-эко-организации релевантен парадигме инвайронментализма, где «среда формирует разум в той же степени, в которой разум формирует среду» [Смирнов 2012: 118]. Автономия человеческой системы немыслима вне контекста зависимости от своего биосферного («гео-экологического») окружения. Здесь можно вспомнить концепции теллурократии (сухопутного могущества) и талассократии (морского могущества), найти параллели с теорией пассионарности Л.Н. Гумилева. Подобная двухфакторность задает неопределенность, имманентно вписанную в само представление о сложности мира⁷.

Диалогический принцип в основе своей имеет диалектический (гегелевский) посыл. Он комплементарен идее о единстве и борьбе противоположностей, предполагающей дополнительную противоречий не только в понятийной форме, но в форме вещной. Контрадикторная напряженность в природе, обществе и мышлении ответственна за возникновение эмерджентности. (Интерес представляет пересечение этого принципа с представлением М.М. Бахтина о том, что естественные науки преимущественно монологические, а гуманитарные — диалогические.)

Принцип повторного введения познающего во всякий процесс познания отталкивается от субъект-субъектной парадигмы познания. Последняя предполагает, что субъект познания, познавая объект, познает тем самым и самого себя. «Познание есть всегда перевод и конструкция» [Князева: 108], а от себя добавим, и реконструкция. Человеческая реальность «реально-виртуальна», предполагающая задействование воображения.

Какой же «праксиологический вывод», следующий из мореновской проблематизации, оказывается значимым для современной социально-философской мысли?

Глобальное общество представляет собой соединение «социальной подсистемы» и «культурной подсистемы»⁸. Культурная подсистема «состоит» из ценностей, к которым необходимо добавить знания и идеологии, характерные для общества. По сути, это обширный набор символов, придающий смысл действиям индивидов. Одними из основных компонентов социальной подсистемы, регулирующей взаимодействие между людьми выступают нормы и роли. Эти «стандарты» — конкретное воплощение ценностей: они образуют «структуру», потому что обладают относительной постоянством и частично объясняют стабильность социального поведения. Для Э. Морена «первична» именно культурная подсистема: общество прежде всего характеризуется системой ценностей.

Сопоставив функционализм и культурализм, структурализм и марксизм, Э. Морен пришел к выводу, что система общества «состоит» из культуры, сотрудничества, стабильности и целостности, с одной стороны, и экономики, конфликта и социальных противоречий — с другой. Следовательно, имеется насущная необходимость в точных описаниях / моделях поведения социальных акторов⁹. При этом важно помнить о том, что системы очень чувствительны к взаимодействию между «локальными случайностями» и «необходимыми относительностями».

⁷ Неопределенность означает незавершенность всякого процесса познавательной и практической деятельности, непредзаданность, открытость и нелинейность исхода этой деятельности.

⁸ Сходным образом представляет общество и Толкотт Парсонс: автор определяет нормы и роли как вытекающие из ценностей феномены [Парсонс 2018].

⁹ Здесь следует упомянуть новый гуманизм Э. Морена, основанный на трех качествах, преодолевающих несовершенство, «неполноту»: разум, воображение и чувство.

А фактором устойчивости в этом контексте оказывается социально-политическое разнообразие с уважением к каждому множеству, утверждающему свою собственную систему норм и ценностей, идей и мнений.

Эдгар Морен пытается создать холистическую парадигму современного общества, которая, будучи в основе своей пронизана диалектическим пафосом, совмещает в себе позиции голографизма, кибернетизма, диалогизма, инвайроментализма, конструктивизма. Концептом (системообразующим свойством) этой системы оказывается свойство сложности, получающее выражение в терминах «сложность», «комплексность». В качестве системообразующего отношения выступает новый гуманизм, понимаемый как реальное выражение планетарного сознания, ориентированного на экологию действия, земной идентичности, этики солидарности и понимания.

Список литературы / References

- Аршинов В.И., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель // Человек. 2019. Т. 30, № 2. С. 130—153.
(Arshinov V.I., Svirsky Ya.I. Complexity world and its observer, *Human*, 2019, vol. 30, no. 2, pp. 130—153. — In Russ.)
- Князева Е.Н. Идея эмерджентной эволюции в воззрениях Э. Морена, И. Стенгера и Ж. де Роснэ // Философские науки. 2011. Вып. 9. С. 99—115.
(Knyazeva E.N. The idea of emergent evolution in the views of E. Morin, I. Stengers and J. de Rosnay, *Philosophical sciences*, 2011, iss. 9, pp. 99—115. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. 480 с.
(Moiseev N.N. Parting with simplicity, Moscow, 1998, 480 p. — In Russ.)
- Морен Э. Метод. Природа Природы / под ред. Е.Н. Князевой. М.: «Канон+»; «Реабилитация», 2013. 469 с.
(Morin E. Method. Nature of Nature, ed. by E.N. Knyazeva, Moscow, 2013, 469 p. — In Russ.)
- Парсонс Т. Социальная система. М.: Академический проект, 2018. 530 с.
(Parsons T. Social system, Moscow, 2018, 530 p. — In Russ.)
- Свирский Я.И. Концептуальные особенности «сложностного» видения мира // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 49—52.
(Svirsky Ya.I. Conceptual features of the “complexity” vision of the world, *Questions of Philosophy*, 2021, no. 10, pp. 49—52. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсальную клиософию. Иваново: Иван. гос. унт, 2012. 250 с.
(Smirnov D.G. Noospheric idea and noospheric history: introduction to universal cliosophy. Ivanovo, 2012, 250 p. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. От ноологии к ноосфере: методология «сложного мышления» Э. Морена // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (14). С. 81—85.
(Smirnov D.G. From noology to noosphere: the methodology of “complex thinking” of E. Morin, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2014, no. 2 (14), pp. 81—85. — In Russ.)
- Morin E. Introduction a la pensee complex, Paris: Seuil, 1990, 192 p.
- Morin E. La complexite, Paris: Champs Flammarion, 1994, 370 p.
- Morin E. On Complexity. Advances in systems theory, complexity, and the human sciences, New Jersey: Hampton Press, 2008, 127 p.

THE PRINCIPLE OF COMPLEXITY IN SOCIAL PHILOSOPHY OF EDGAR MORIN

Slavi T. Kabakov

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, kabakov.st@dvfu.ru.

Abstract. The article offers an essential reconstruction of the concept of "complex (personal), complex thinking" by the French social philosopher Edgar Morin. The phenomenon of pathology of thinking is considered, its connection with "epistemological rationality" is fixed. The basic characteristic of complex thinking is revealed — synthetics, which involves combining natural science, sociology, psychology, and philosophy according to a problematic principle. The author's interpretation of the seven principles of complex thinking by E. Morin is proposed. It is shown that for the philosopher, in the context of the study of society, it is the cultural subsystem (and not the social subsystem) that is "primary": society, first of all, is characterized by a system of values. The conclusion is made about the holistic (and dialectical) pathos of the complex thinking concept by E. Morin, combining the positions of holography, cyberneticism, dialogism, environmentalism, and constructivism.

Keywords: complexity thinking, comprehensiveness, dialogics, dialectics, critical thinking, recursive loop, feedback loop, auto-eco-organization, new humanism

For citation: Kabakov S.T. The principle of complexity in social philosophy of Edgar Morin, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 4, pp. 165—170.

Статья поступила в редакцию 07.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 07.06.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Кабаков Слави Тодоров — аспирант, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия, kabakov.st@dvfu.ru

Kabakov Slavi Todorov — postgraduate student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, kabakov.st@dvfu.ru